

§ 4. Политико-идеологические течения

Одной из особенностей русской философии московского периода было то, что развитие ее стимулировалось не только влиянием афонского исихазма, но и самим фактом падения Византии как православной империи (1453). Это выразилось в появлении множества самых разных политико-идеологических теорий, сердцевину которых составлял вопрос о власти. На первом плане оказались проблемы соотношения церкви и государства, и особенно – статуса русского самодержавия и его предназначения в контексте поствизантийской истории.

1. Начало обсуждению этих проблем было положено *Иосифом Волоцким* (1440–1515), знаменитым «богомольцем царей московских».

Настоящая его фамилия Иван Санин; постриг принял у старца Пафнутия в Боровском монастыре, бывшем семейной обителью Ивана III. Одно время был игуменом этого монастыря. В самом конце XV в., из-за возникших с московским князем разногласий по поводу ереси жидовствующих, покидает Боровский монастырь и в удельном княжестве Волоцком создает собственный – Волоколамский. Это вынуждает его поддерживать местные сепаратистские тенденции. Но после того, как дело с еретиками было улажено в духе «гишпанской инквизиции», он снова переходит «под московское государство» (1507), принимая на себя окончательно роль апологета самодержавия. Наследие Иосифа Волоцкого представлено богословско-политическим трактатом «Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих», «Уставом», а также значительным числом посланий к разным лицам.

Иосиф Волоцкий исходит из твердого убеждения, что все в жизни так или иначе причастно Божеству, а потому ответ на любые вопросы надо искать в Священном Писании. Но Священное Писание не просто и противоречиво. Так, например, рассуждает Иосиф Волоцкий, в Книге Левит сказано: «И воззвал Господь к Моисею из скинии, говоря: пусть принесут Мне всесожжения и жертвы» (*Лев. 1; 1*). Через пророка же Иеремию Бог говорит совсем другое: «Ибо отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди... о всесожжении и жертве» (*Иер. 7; 22*). То же мы видим в Новом Завете. В одном месте апостол Петр говорит: «Нет ни в ком ином спасения, ибо нет другого имени под небом... которым надлежало бы нам спастись» (*Деян. 4; 11–12*). В другом месте слышим от него совершенно про-

тивоположное: «Во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен Ему» (*Деян.* 9; 35). И таких мест, отмечает Иосиф Волоцкий, в Священном Писании много. Если понимать их буквально, то они действительно не согласуются друг с другом. Следовательно, надо истолковывать Слово Божие «так, как надлежит», принимая во внимание, что оно «иногда... прямо свидетельствует, а иногда для верного понимания требуется определенное время и знание описываемых обстоятельств»¹. Кроме того, сказанное в Священном Писании об одних и тех же предметах «имеет разный смысл, поскольку сказано в разное время, разными людьми и при различных обстоятельствах: одно говорится в недоумении, как вопрос, другое – как ответ, что-то сказано из-за плотского желания, иное – в печали, иное – в радости»². Подобное касается и Иисуса Христа – Богочеловека: в Евангелии Он описан «не по Божеству, но по человечеству», а стало быть, и в словах Его тоже много от человечества. Знание всего этого позволяет правильно понимать божественные логики и речения.

Однако зачем понадобилось Богу неоднозначно свидетельствовать истину? По мнению Иосифа Волоцкого, в этом сокрыта «премудрая хитрость», с какой вообще действует Божество. Он развивает целое учение о «прехищрении и коварстве Бога». Прежде всего, согласно этому учению, Бог не смог бы без премудрой хитрости побороть дьявола. Конечно, он легко одолел бы его и одной своей мудростью, но тогда «дьявол начал бы наговаривать: “Я неправеден – но и у Бога нет правды... Я победил человека, но Бог, победив меня, насильно и неправедно отнял у меня человека”, – и был бы прав»³. И вот, чтобы избежать подобных обвинений, Бог, ради спасения Адама и рода его, «Сам сошел в виде нищего бедняка, воочеловечился, пострадал и этим победил дьявола»⁴. Иосиф Волоцкий находит в Священном Писании много и других примеров, подтверждающих «мудро-коварственные» деяния Бога.

«Поэтому нам не следует смущаться, соблазняться или сомневаться по поводу этих случаев хитрости и коварства, но только верить в безмерную глубину Божьей мудрости»⁵.

¹ *Иосиф Волоцкий. Просветитель.* – С. 127.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 106.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Там же. С. 103.

Столь необычное для православия истолкование сущности Божества отнюдь не было только выражением богословской дерзости Иосифа Волоцкого; оно имело и вполне конкретное, прикладное значение. Иосиф Волоцкий хотел обосновать политическую идею о том, что богоподобие имеет отношение не столько к человеку вообще, сколько к человеку *властвующему*, наделенному особыми правами и полномочиями. Таким человеком мог быть только царь, самодержец. Этим и определялась его прерогатива действовать в соответствии с присущим ему богоподобием, т. е. равно пользуясь и мудростью и коварством.

«Царь только естеством подобен человеку, властью же сана своего он подобен Богу... Как Бог хочет всех спасти, так и царь все подручное ему сохраняет... Вас (царей. – *Авт.*) Бог вместо себя посадил на престоле своем. Сего ради подобает царям и князьям всякое старание иметь о благочестии... Божественные правила повелевают царя почитать, а не свариться с ним... И даже если царь, будучи во гневе, накажет кого, надо с кротостью и с смирением и со слезами молить царя»¹.

Но так Иосиф Волоцкий думал не всегда. В «удельный» период, когда он находился в «разладе» с московскими властями, его взгляды были существенно иными: он допускал возможность сопротивления царской власти, если сидящий на троне правитель обременен «скверными страстями». «Такой царь... – писал он, – не царь, но мучитель... И ты не слушай царя или князя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству, даже если он будет мучить тебя или угрожать смертью»². С переменой своего положения Иосиф Волоцкий склоняется к идее божественного происхождения царской власти, и не только исключает возможность какого бы то ни было противодействия ей, но и признает единственно богоугодной самодержавную власть, провозгласив, что Василий III «вса руския земли государем государь». Он предлагал всем удельным князьям подчиниться московскому «престолодержателю». «Не велю державному брату своему противиться... преклони с усердием главу свою пред помазанником Божиим и покорись ему», – этот его призыв стал политическим лозунгом эпохи московской централизации.

2. Среди сторонников иосифлянства выделяется старец *Филофей* (ок. 1465 – 1542), создатель теории «Москва – третий Рим».

¹ Послания Иосифа Волоцкого. – М.; Л., 1959. С. 184–186.

² *Иосиф Волоцкий*. Просветитель. – С. 189.

Никаких биографических сведений о нем не сохранилось; известно лишь, что он был иноком Псковского Елеазарова монастыря. До нашего времени дошли два его произведения: 1) Послание Василию III, написанное в промежутке между 1514 и 1521 гг., и 2) Послание дьяку Михаилу (Мисюре) Мунехину, относящееся к 1527 или 1528 г.

Трагедия 1453 г., как уже отмечалось, обострила вопрос о пост-византийских судьбах мира. В средние века на протяжении столетий господствовала теория о последовательно сменяющихся друг друга «четырех монархиях»: Вавилонской, Персидской, Эллинской и Римской. Последняя монархия непосредственно предшествовала концу мира и завершала историческое время, земное бытие человечества. Падение Восточно-Римской империи (Византии), казалось бы, подтверждало эту теорию, тем более что близилось исполнение семи тысяч лет от сотворения мира и обещанное наступление Судного дня. Но ожидания оказались напрасными, мир продолжал существовать и без Византии, нимало не изменившись ни по своей сути, ни по человечеству. Тогда-то и возникли сомнения в правоте христианства. На Западе это обернулось торжеством Ренессанса – движения вольнодумства и секуляризма. Русь остановилась на защите православия, постаравшись с этой целью раздвинуть пространство исторического времени, чтобы дать возможность Христову учению подтвердить истинность своих пророчеств. Именно это и послужило причиной возникновения теории «Москва – третий Рим», существенно изменившей прежнюю историософскую схему пророка Даниила. Прежде всего, сама римская история подверглась христианскому переосмыслению в контексте троичного членения: «ветхий», т. е. первый Рим, второй Рим – Константинополь, наконец, должен был появиться и третий Рим, каковым сперва предполагался Новгород, но после его падения в 1478 г. единственным восприемником наследия «второго Рима» стала считаться Москва. Эти предположения и домыслы, носившиеся в московском воздухе, свел воедино, превратив в целостную теорию, Филофей Псковский.

Обращаясь к Василию III как «пресветлейшему и высокопрестольнейшему государю», который «вместо римского и константинопольского владык воссиял», старец пишет: «Ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинограда, церковные двери внуки агарян секирами и оскордами рассекли. И вот теперь третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится. Так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём

царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь... И если хорошо урядишь свое царство – будешь сыном света и жителем горного Иерусалима, и как выше тебе писал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится»¹.

Эту же мысль Филофей повторяет в Послании к Михаилу Мунехину.

«Скажем несколько слов о нынешнем православном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и хранитель святых Божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения Пречистой Богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится. Так знай, боголюбец и христолюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать»².

Теория Филофея насквозь эсхатологична, пронизана провиденциальной идеей, усиливающей предчувствие «последних времен». Оттого приоритетное значение для царя имеют чисто церковные вопросы («Не обижай, царь, святых Божиих церквей и честных монастырей, как данных Богу в наследство вечных благ»); ему вменяется в обязанность искоренение «содомских плевел», которые «горьким сорняком» распустились в московском «православном царстве»³. И еще он озабочен тем, что на Руси распространяется астрология, разрушающая веру в богоустановленный порядок жизни. Как и Максим Грек, Филофей подвергает резкому осуждению эту «немецкую ересь».

«Если бы злые дни и часы сотворил Бог, зачем ему мучить грешных? Ведь Бог бы и был повинен в том, что породил злого человека, однако же Бог, наш Творец, справедлив и праведен и никакому злу не повинен. Да и то, добрый человек, разумей, что от царя царевич родится, а от князя князь, и даже если не достигнет немного в чем-то отцовской славы и чести, но земледельцем не будет, и за земледельцев цари дочерей не дают, и у них за своих сыновей дочерей не берут, и

¹ Послания старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. С. 437, 441.

² Там же. С. 453.

³ Там же. С. 439.

все это правится по неведомым предначертаниям всесозидающего Бога»¹.

Для провиденциальной эсхатологии Филофея «характерна не идея конца, а идея пути», т. е. движения к духовному и нравственному совершенству. Это достигается строгим подвижничеством и исполнением евангельских заповедей. Верность им требуется от всех православных христиан, но «особо Филофей говорит о самом ответственном среди них – “о царствующем”»².

Теория «Москва – третий Рим» сильнее всего повлияла на формирование идеологии Святой Руси. Она вошла в дипломатический обиход, выступая в качестве идентифицирующего компонента русского сознания. В эпоху петровских преобразований ее пытались заменить новым идеологическим концептом «Российская Европа», но это понятие не прижилось и быстро вышло из политического обращения. Зато идея «Третьего Рима», трансформировавшись применительно к новым условиям российской действительности, дожила до идеи «Третьего Интернационала», выдвинутой марксистствующими большевиками.

3. Заметная роль в разработке проблем политической философии принадлежит *Ивану Семеновичу Пересветову* (перв. пол. XVI в.), мыслителю-книжнику начального периода царствования Ивана Грозного.

Точных сведений о датах его жизни нет; известно лишь, что он был «выезжей из Литвы» и до приезда в Москву служил в наемных войсках польского и венгерского королей. Будучи человеком состоятельным, намеревался открыть в Москве мастерскую по изготовлению «македонских щитов», чтобы помочь русским воинам перевооружиться по европейскому образцу. Однако вся его «собинка» (имущество) истратилась «в обидах и волокитах» с чиновными людьми, и он остался без средств к существованию. 8 сентября 1549 г. во время крестного хода вокруг одной из придворных церквей (Рождества Богородицы) он передал Ивану Грозному свою челобитную и «сказания» об управлении государством. Дальнейшая судьба «воинника» неизвестна.

Пересветов предлагал Ивану Грозному произвести коренное преобразование всей государственной системы, обуславливая это

¹ Там же. С. 447.

² *Синицина Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). – М., 1998. С. 329.

необходимостью завоевания Казани. Челобитчик выражал недоумение, как это может быть, что прямо «под пазухою» у московского царя находится «подрайская землица», а он не только «не в дружбе» с ней, а еще и «долго терпит и кручину от нее великую принимает». Следует «себя не пощадити ни в чем, послати войско на Казань» и с Божией помощью захватить ее «своим мудрым воинством»¹. Но начинать надо с внутренних реформ, и Пересветов в качестве примера ссылается на турецкого султана Мухаммеда II, завоевателя Константинополя.

«Царь Магмет-салтан турецкой велел со всего царства все доходы к себе в казну имати, а никому ни в котором городе наместничества не дал вельможам своим для того, чтобы не прельщались, неправдою бы не судили, и оброчил вельмож своих из казны своя, царския, кто чего достоин»².

«Богу угодно учинил, великую мудрость и правду во царство свое ввел, по всему царству своему разослал верных своя судии, и пооброчивши их из казны своим жалованием, чем им мочно прожить с году на год. А суд дал полатный во все царство свое судити без противня, а присуд велел имать на себя в казну, чтоб не искушались и во грех не попадали и Бога не разгневили»³.

«Да Магмет-салтан турецкой царь... во всем царстве дал вольно служити у вельмож своих, кому ни буди. А не велел их прикабаливати, ни прихолопити, а служити им добровольно. А рек тако вельможам своим: “Един Бог над нами, а мы рабы Его. Фараон царь был поработил израильтян и Бог на него разгневался своим святым неутолимым гневом, да потопил его Чермным морем”. Да велел пред себя книги принести полные и докладные, да велел их огнем пожечи. А полоняником учинил урок, доколе кому робить... И рече тако Магмет-салтан: “В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга: они бо есть порабощены, и тот человек срама не боится, а чести себе не добывает, а рече тако: “Хотя и богатырь или не богатырь, однако есми холоп гсударев, иново мне имени не прибудет”»⁴.

«Царь же турецкой умудрился, на всяк день 40 тысяч янычан при себе держит, гораздых стрельцов огненных стрельбы, и жалование им дает, алафу по всяк день. Для того у себя близко их держит, чтобы ему в его землю недруг не явился и измены бы не учинил... Мудр царь, что воином сердце веселит, – воинниками он силен и славен»⁵.

¹ Сочинения И. Пересветова. – М.; Л., 1956. С. 22.

² Там же. С. 152.

³ Там же. С. 174.

⁴ Там же. С. 157.

⁵ Там же. С. 156.

«Правда Богу сердечная радость – во царстве своем правду держати; а правду ввести царю во царство свое, ино любимаго своего не пошадити, нашед виноватого. А не мочно царю без грозы быти: как конь под царем без узды, тако и царство без грозы»¹.

Вся эта «мудрость», включает Пересветов, списана Магмет-салтаном «со христианских книг», а следовательно, так же подобает поступать и христианскому царю. Однако советы Пересветова вряд ли могли представлять ценность для Ивана Грозного, хотя, несомненно, идея грозы как узды для царства не прошла мимо его внимания. Только что «венчавшийся на царство» (1547), он еще сильно зависел от боярского сословия и не мог позволить себе никаких «легкомысленных» реформ. «Проект» же Пересветова как раз и предполагал реализацию таких установлений, которые начинали прививаться на Западе, но были совершенно немыслимы в российских условиях. Помимо этого сказалась и политическая наивность Пересветова. Долго живя вне России, он слабо представлял себе истинное отношение московских властей к Турции, которые уже тогда начинали вынашивать идею «возвращения Константинополя», активно подталкиваемые к тому самими греками. Поэтому ни о каких протурецких симпатиях не могло быть и речи. Как известно, Максима Грека объявили чуть ли не султанским соглядатаем только за то, что он встречался в Москве с турецким послом Скинером, тоже греком по национальности. На этом фоне судьба Пересветова могла быть еще печальней, о чем можно догадываться по некоторым свидетельствам о возможном суде над прямодушным воинником.

4. Завоевание Казани (1552) укрепило позиции *Ивана Грозного* (1533–1584), и он начинает решительно проявлять свои властные амбиции. Первыми жертвами его стали «сильные во Израиле», т. е. ненавистные ему ближние бояре. Бежавший от царских немилостей в Польшу князь Андрей Курбский недоуменно вопрошал: «В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане – соратники твои? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? Не сдались ли тебе крепости немецкие, по мудрости их, им от Бога дарованной? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими?»². Конечно, по человечески он был прав: размах репрессий, предпринятых Иваном

¹ Там же. С. 153.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М., 1981. С. 119.

Грозным, был столь велик, что вызывал ужас и удивление современников. Но действия его определялись не только личными мотивами; следует помнить, что он принял от своих «прародителей» эстафету самодержавия и стремился донести ее до назначенной цели. Главным препятствием на этом пути выступало, с одной стороны, родовитое боярство, традиционно тянувшее в сторону удельной системы, а с другой – церковная иерархия, добивавшаяся если и не верховенства над светской властью, то во всяком случае двоевластия. Неудивительно, что Иван Грозный считал не только московских бояр, но и церковных святителей своими опасными соперниками и озаботился решительным упрочением своего самодержавного статуса.

Политико-богословское обоснование права царя на властное насилие было дано им в Первом послании Курбскому.

«Почему же ты презрел слова апостола Павла, который вещал: “Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится Божьему повелению”. Возри на него и вдумайся: кто противится власти – противится Богу; а кто противится Богу – тот именуется отступником, а это наихудший из грехов. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой ценой крови и войн. Задумайся же над сказанным, ведь мы не насилем добыли царства, тем более поэтому, кто противится такой власти – противится Богу!»¹.

«Как же ты не смог этого понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? Апостол сказал: “К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня”. Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели же ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать споры своих подданных?»².

«Разве же это “супротив разума” – сообразовываться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он, ради царства, сына своего, им рожденного, убил! И князь Федор Ростиславич, прародитель наш, сколько крови пролил в Смоленске во время пасхи! А ведь они причислены к святым... Немало и иных най-

¹ Там же. С. 124.

² Там же. С. 128.

дешь царей, которые спасли свои царства от всяческой смуты и отразили злодеяния и умыслы злобесных людей. Ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым же – милосердие и кротость, злым же – жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло – бойся, ибо царь не напрасно меч носит – для устрашения злодеев и ободрения добродетельных»¹.

Особенно резко восстает Иван Грозный против духовенства, поощряемый к тому в первую очередь «изменой» своего духовника протопопа Сильвестра, заправлявшего в годы его несовершеннолетия боярской Избранной Радой. Он характеризовал его как человека, который, пребывая «у престола Господня», все это «коварно» поправил и, окружив себя мирскими людьми, стал всячески добиваться мирской власти. Память об этом времени навсегда отравила его сознание, укрепив во мнении о недопустимости церковного вмешательства в дела государства.

«Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежды и злодеев-изменников, а царь им повинуется?»².

«Неужели же это свет – когда поп и лукавые рабы правят, а царь же – только по имени и по чести царь, а властью нисколько не лучше раба?.. Вспомни, когда Бог избавил евреев от рабства, разве Он поставил над ними священника или многих управителей? Нет, он поставил над ними единого царя – Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от Бога. Видишь сам, что не подобает священникам творить царские дела!»³.

«Иное – священническая власть, иное – царское правление... священническая власть требует строгих запретов словом за вину и зло... царской же власти позволено действовать страхом и запрещением и обузданием... Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. И разве достойно царя, если его бьют по щеке, подставлять другую! Это ли совершеннейшая заповедь? Как царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священникам подобает смирение. Пойми же разницу между царской и священнической властью!»⁴.

¹ Там же. С. 129.

² Там же. С. 130.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 134.

Давно указывалось на своеобразии стиля посланий Ивана Грозного. Отмечалось и обилие в них разговорных выражений и слов, и использование приемов деловой переписки и постановлений, и наличие фольклорно-сказовых элементов, отразивших воздействие народных театральных представлений и религиозных празднеств, столь любимых самим автором. Обращает внимание и специфика богословской экзегезы московского царя. Прекрасно зная Священное Писание, он постоянно обращался к его текстам, но беря их не как конечные истины, а как конкретные исторические аналогии для оценки настоящего. Так, обличая в измене Курбского, Иван Грозный пишет: «Апостол Павел восклицал: “Берегитесь псов, берегитесь злодеев, ибо часто я говорил вам и теперь говорю с плачем о врагах креста Христова; их бог – чрево, слава их – в сраме, они думают о земном”. Как же не назвать тебя врагом креста Христова, если ты ради славы и богатства, презирая вечное будущее... нарушил крестное целование и вооружился, чтобы воевать против христиан?»¹. Или вот еще из второго послания Курбскому: «Вспомни сказанное в книге Иова: “Обошел землю и иду по вселенной”»; так и вы с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но Бог дает власть тому, кому захочет»². Приведенные примеры свидетельствуют о риторическом характере мышления Ивана Грозного: для него истины веры служат лишь способом утверждения правды жизни. Разграничение божественной истины и реальной правды открывало перспективы секуляризованного развития философского знания, делало обоснованным обращение к «внешней», мирской мудрости.

Деятельность Ивана Грозного высоко ценил Петр I. Сравнивая его с Владимиром Крестителем Руси, он в предисловии к Морскому уставу писал: «Владимир Святый наставлен быв в богословии, не наставлен показался в политике», а потому «российской монархии разделением... превеликий вред народу русскому принес». И только «Иоанн Васильевич» своим «уврачеванием вреда Владимиром соделанного... прежнюю силу российскую раздором умершвленную, союзом воскресил и оживил»³. Этой целью как раз и была оплодотворена публицистика московского государя.

¹ Там же. С. 135.

² Там же. С. 166.

³ Законодательство Петра I. – М., 1977. С. 233–234.